
Udachlivyi Triapitsyn ?

Kar'ernaia traektoriiia provintsiala v epokhu petrovskikh peremen

*Le chanceux Trjapicyn ou la carrière d'un provincial à l'époque des réformes
pétroviennes*

Lucky Triapitsyn: A provincial cleric's career at the time of Petrine reforms

Dmitrii A. Redin

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/11041>

DOI : 10.4000/monderusse.11041

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 janvier 2019

Pagination : 9-36

ISBN : 978-2-7132-2795-0

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Dmitrii A. Redin, «Udachlivyi Triapitsyn ?», *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 60/1 | 2019, Выложить онлайн 01 janvier 2022, Наводить справки в 06 janvier 2022. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/11041> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.11041>

DMITRII A. REDIN

UDACHLIVYI TRIAPITSYN?

Kar'ernaia traektoriia provintsiala
v epokhu petrovskikh peremen

[Le chanceux Trjapicyn ou la carrière d'un provincial
à l'époque des réformes pétroviennes]

*В такой огромной стране, как Россия,
история центра скорее является исключением,
нежели нормой: настоящая история
происходит в провинции, а не в столицах.
Даниэль Уо¹.*

Несколько слов в предуведомление

Прежде чем познакомить читателей с историей Ивана Васильевича Тряпицына, думается, необходимо дать несколько пояснений о смысле и особенностях этого повествования. Тряпицын — не из тех героев, которые, как говорится, определяли ход исторического развития. Более того — он вовсе не герой, если понимать под этим традиционный для старой историографии смысл. Если он и был кому-то известен, так это кругу тех своих современников, с которыми его сводили жизненные обстоятельства. Иными словами, типичный человек «второго», если не «третьего» плана. Как бы то ни было, но он жил, занимался своими делами, строил планы, пытался преуспеть, и поэтому реконструкцию его жизни можно было бы назвать исторической биографией рядового обывателя первой четверти XVIII в. — биографией, разумеется, в духе «новой биографической истории», подразумевающей исследование «непрерывного движения индивида по своему жизненному

1. Д. Уо, *История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени*, СПб.: Дмитрий Буланин, 2003, с. 5.

пути и его многообразных интеракций в меняющемся социально-интеллектуальном пространстве»², если бы речь шла о сколько-нибудь полной реконструкции. Но обстоятельства жизни Тряпицына известны очень пунктирно, они не тянут на полноценную биографию, раскрываясь, по преимуществу, служебными сторонами, что не удивительно, учитывая характер источников — документы канцелярского делопроизводства. Поэтому акцент в статье сделан на *карьере* (и это отражено в заголовке), ставшей стержнем всего изложения и смысловой основой композиции текста.

Французское слово *carrière* в русском языке имеет два значения, обозначая как род занятий или деятельности, так и продвижение в какой-либо сфере деятельности; достижение известности³. Вот это второе значение и стало для меня определяющим: движение и продвижение, стремление к достижению — вещи, которые имеют прямое отношение к проблеме социальной мобильности — делают изучение индивидуальных карьер даже незначительных лиц крайне поучительным и полезным занятием для историка. Карьерный путь как результат намерений и возможностей, зависящих и от человека, и от внешних обстоятельств, особенностей места и времени развития этой траектории, становится важным материалом исторического исследования, нацеленного не столько на объяснение, сколько на понимание смысла исторического процесса.

Карьерная динамика индивида — дорога со многими развилками и поворотами, встречами, конфликтами, договоренностями, разбитыми иллюзиями, недостаточными ресурсами и неожиданными прорывами. Это сгусток материальных и ментальных, физических и духовных действий, коммуникации с другими, глубокая включенность в исторический контекст — та самая живая пластика «ритуалов интеракций», «структураций» и «фигураций» социологических теорий⁴, взаимодействий и «социальных соглашений», акцент на изучение которых делает «новая социальная история».

Понимаемая таким образом, история индивидуальной карьеры обретает ценность вне зависимости от того, чья эта карьера: выдающегося государственного или общественного деятеля или малоизвестного провинциала, пределом роста которого может остаться внеклассный канцелярский чин в учреждении уездного уровня, достижение которого, между прочим, может стоить человеку не меньших усилий и иметь не меньший накал драматизма, чем другому — достижение сенаторского звания (с учетом разницы масштаба, разумеется). Более того, карьеры «маленьких» людей, быть может, даже имеют больший смысл для исследований в области социальной истории хотя

2. Л.П. Репина, «Биографический подход в интеллектуальной истории», *Философский век. Альманах*, 2006. Вып. 32, ч. 2, с. 102.

3. *Современный словарь иностранных слов*, М.: Русский язык, 1992, с. 267.

4. Р. Коллинз, «Программа теории ритуала интеракции», *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 7, 2004, №1 (25), с. 27-39; Э. Гидденс, *Устроение общества: Очерк теории структуризации*, М.: Академический проект, 2005; Н. Элиас, *Понятие фигурации*, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2000, №3, с. 62-65.

бы потому, что их количественно больше, а значит, они в большей степени повторяемы и, не теряя персональной уникальности, поддаются типологизации/генерализации, подкрепляя правоту утверждения Норберта Элиаса о том, «что “общество” не является ни абстракцией, полученной от свойств каких-либо внеобщественных индивидов, ни системой или “целостностью”, существующей где-то по ту сторону индивидов», а является сетью «взаимозависимостей, сплетенных самими индивидами»⁵.

Есть еще одно обстоятельство, которое побуждает всякий раз возвращаться к сюжетам, подобным истории Тряпицына: большинство из нас по своему месту в жизни, по переживаемым перипетиям и обретению успехов не относятся, как и он, к вершителям судеб человечества, «отлитых в бронзе». Мы более или менее обычны и поэтому нам (во всяком случае, пишущему эти строки) интересны обычные люди, поскольку, вслед за Гёте, «Daß du ein Mensch mit Menschen bist» («Человек не мыслим без людей», как перевел эту фразу Борис Пастернак). Изучая прошлое, мы ищем в нем себя — не в этом ли смысл исторического знания, особенно отчетливо понимаемый сегодня, в эпоху после «антропологического поворота» в исторической науке?

Выполненная в «микроисторическом» формате, статья — во всяком случае таковыми были мои намерения — призвана дать пищу для рассуждений на более широкие темы социальной истории, такие, например, как социальная мобильность, социальная идентичность и мотивации социального поведения, выбора, тактик людей, живших в России в эпоху ранней империи⁶. Одновременно, я совершенно осознанно вижу её в качестве дополнения к другим, аналогичным по материалу и направленности, публиковавшимся в российских и зарубежных изданиях ранее, в том числе и на страницах журнала «Cahiers du Monde russe», а значит встроенной в определенный историографический контекст⁷.

5. Н. Элиас, *О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования*, в 2 т, М.; СПб.: Университетская книга, т. 1, 2001, с. 43.

6. Из новейших работ, посвященных размышлениям о смысле и сути микроисторического исследования, см.: István M. Szijártó and Sigurður Gylfi Magnússon, *What is Microhistory? Theory and Practice*, London – New York: Routledge, 2013.»

7. В первую очередь я имею ввиду относительно недавний выпуск под названием «Mobilité familiale et sociale en Russie des xvie et xviiie siècles», *Cahiers du Monde russe*, 57 (2-3), 2016, особенно статьи: Victor E. Borisov, «The Tomilovs, Siberian petty noblemen: Career, social connections and lifestyle at the age of transition from tsardom to empire», p. 423-456; Anna Joukovskaia, Evgenii Akelev, «From Cossack to Noble: The Shagarovs, a Microhistory of Social Mobility in Russia, 17th-18th Centuries», p. 457-504»; Galina O. Babkova, «Avraam Stepanovich Sverchkov and “embezzlers”: Family connections within Russian bureaucracy in the first half of the eighteenth century», p. 609-640, как наиболее близкие к моему сюжету по хронологии материала и представленной в них социальной среде.

Годы удачи: подьячий, ростовщик, откупщик

Как и герой одной известной статьи Ольги Евгеньевны Кошелевой Иван Алексеев сын Рыбников⁸, этот очередной «Иван из эпохи Петра» появился в моем поле зрения неожиданно и не претендовал на то, чтобы я занялся когда-либо реконструкцией его биографии. Собирая материал по истории управления западными уездами Сибирской губернии в период петровских реформ, я просто отметил где-то на периферии сознания, что с какого-то времени имя Тряпицына стало слишком часто попадаться на глаза. Но он был не одинок в сонме моих персонажей — управленцев разного ранга, служивших в различных конторах и канцеляриях российских восточных провинций, и сам по себе меня не интересовал. «Вызвать дух» Тряпицына из разрозненных упоминаний в архивных документах побудило предложение выступить на панели «Profiles of the Administrator» на конференции SGECR в Страсбурге летом прошлого года⁹.

Случайность в обретении героя повествования — это, пожалуй, то небольшое, что роднит историю упомянутого Ивана Рыбникова и Ивана Тряпицына. Да еще то, что оба Ивана догадались жить в эпоху беспокойного правления царя-реформатора и происходили из посадских кругов. В остальном их судьбы совершенно не схожи, поэтому, оставив несчастного Рыбникова, обратимся к удачливому Тряпицыну.

Мой персонаж был родом из Хлынова, центра обширного Вятского края — области на северо-востоке европейской России, включенной в процессе первой областной реформы в состав гигантской Сибирской губернии и ставшей наиболее западной её окраиной. Перепись 1710 г. показывает Ивана Тряпицына в качестве подьячего Вятской приказной избы, проживавшего в своем доме на Морозовской улице с матерью, женой, двумя малолетними детьми, сестрой и какими-то родственниками (Григорием, Марфой и Федором Антоновыми 17, 10 и 8 лет соответственно)¹⁰. Уже в это время 28-летний подьячий держал при себе шестерых срочных работников разного пола и возраста¹¹. Самый ранний из имеющихся в моем распоряжении документов текущего делопроизводства, в котором «проявился» Иван Тряпицын, датирован 5 января 1712 г. Это указ вятского воеводы кн. И.И. Щербатова,

8. О.Е. Кошелева, «Один из Иванов в эпоху Петра (опыт персональной истории)», *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* (под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова), М., 2002, с. 305-325.

9. Статья написана на основе одноименного доклада, прочитанного в Страсбурге на V конференции Международной группы по изучению России XVIII в. (SGECR), в июле 2018 г.

10. Морозовская улица (ныне ул. Розы Люксембург в г. Кирове) — одна из старейших центральных улиц Хлынова, известная со второй половины XVII в. Шла параллельно и севернее другой главной улицы города: Московской. Электронный ресурс. Код доступа <http://www.7kholmov.ru/2015/10/27/morozovskaya/> Дата обращения 12.12.2018 г.

11. *Вятка: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий*, М.: Тип. М.Г. Волчанинова (быв. М.Н. Лаврова и К°), 1887, с. 61.

предписывавший необходимость ликвидации недоимок, накопившихся по повытьям подьячих Вятской приказной избы¹². Среди подписей подьячих, засвидетельствовавших ознакомление с указом, первая принадлежала подьячему Ивану Тряпицину¹³.

Хлыновские подьячие — обширное (по местным меркам) и сплоченное приказное сообщество, в котором большое значение имели родственные узы и переплетение взаимных интересов. На протяжении столетий до и после петровского царствования его костяк составляли несколько старинных посадских и купеческих кланов, представители которых занимали ведущие роли в канцеляриях и органах земского самоуправления, вне зависимости от того, какая эпоха стояла на дворе. Иван Васильев сын Тряпицын, судя по всему, не мог тягаться по статусу семьи со своими собратьями из рядов местного «патрициата»: Рязанцевыми, Глухих, Свешниковыми, Хохряковыми, Юферевыми, Шмелевыми и др., но и его семья была на Вятке не чужой. Тряпицины числились в составе хлыновского посада по меньшей мере с начала XVII в.: перепись 1615 г. фиксирует пять семей этого рода, учтенных в городе, но отпрыском какой из этих линий был наш подьячий, на сегодняшний день не установлено¹⁴.

Доступные мне документы первой половины 1710-х гг., приоткрывающие жизнь и деятельность Ивана Тряпицына, единичны и немногословны, но весьма красноречивы, если анализировать их содержание в общем контексте административных реалий Вятки. Упомянутый выше воеводский указ свидетельствует, что к началу 1712 г. Тряпицын уже занимал прочные позиции в иерархии вятских приказных, служа в подьячих средней статьи. Факт того, что его подпись стояла первой среди остальных, косвенно, но с известной вероятностью означает если не его безусловное первенство в Хлыновской приказной избе, то, по крайней мере, принадлежность Ивана Васильевича к определенной лидирующей служебной группе. Его должность может быть отнесена к «корыстным». Из мартовского челобитья Тряпицына 1713 г. явствует, что в его руках находилось весьма выгодное повытье: он собирал табачные и корчемные сборы (пошлины с казенной продажи табака и спиртного) и недоимки с

12. Повытье — старинное русское слово, восходящее к существительному «выть»: часть, доля, пай и т.п. В данном случае — низшее структурное подразделение в учреждении приказного типа; отдел в составе более крупной единицы — стола, на которые подразделялись в XVI – первой трети XVIII в. органы государственного управления России: приказы (центральные) и приказные палаты, или избы (местные). Как приказы и столы, повытья могли быть функциональными (отраслевыми), ведавшими какой-то особой отраслью управления, и территориальными, с помощью которых осуществлялось руководство той или иной местностью (волостью, станом, пригородом и т.п.) в составе уезда. Руководили повытьями подьячие-повытчики. Подьячий на территориальном повытье становился не просто чиновником-делопроизводителем, ведавшим отраслевую документацию, но, фактически, руководителем (администратором) вверенной ему мелкой административной единицы.

13. РГАДА (Российский архив древних актов), ф. 1113 (Вятская приказная изба), оп. 1, д. 28, л. 148-149.

14. *Родная Вятка. Краеведческий портал*. Эл. Ресурс. Код доступа <https://rodnaya-vyatka.ru>, дата обращения 19.06. 2018.

крестьян богатейшего и старейшего в крае Успенского Трифонова монастыря и в Чепецких станах – территории, находившейся к востоку-юго-востоку от Хлынова. Но челобитная интересна еще и другим. В ней Тряпицын, получавший 19-рублевый денежный оклад, хлопотал о прибавке к жалованью, ссылаясь на большую загруженность работой («умножением дел»)¹⁵.

Следует пояснить, что до 1715 г. (времени введения единых должностных окладов для чинов местных администраций), в России не существовало единой и устойчивой системы размеров жалованья подьячих. Выплаты определялись многими обстоятельствами: значимостью учреждения, профессиональной квалификацией приказных, общей суммой, выделенной для оплаты труда, вероятной практикой надаач, очень индивидуальной и часто зависевшей от множества случайных факторов. Что касается Сибирской губернии, то самые большие размеры подьяческих окладов наблюдались в одном из крупнейших учреждений региона – той самой Вятской приказной избе, которая по своей многолюдности не уступала губернскому учреждению – Тобольской большой канцелярии. Любопытно, что к хлыновским подьячим, как вообще к вятской части своей губернии, питал какой-то особый интерес сибирский губернатор кн. М.П. Гагарин. Известный своим умением умножать личное благосостояние всеми возможными путями, князь Матвей Петрович, вероятно, видел в вятском купечестве и посаде, тесно связанном с местными приказными, какую-то корысть и обычно благосклонно воспринимал просьбы последних о повышении окладов.

Не отказал он и Тряпицыну, распорядившись доплачивать ему 5 рублей, в связи с чем Иван Васильевич стал обладателем 24-рублевого оклада¹⁶. Много это или мало? Изучение большого комплекса документов показало, что в западных уездах Сибирской губернии денежные оклады подьячих средней статьи колебались в это время в широком диапазоне от 3 до 30 руб. в год и заключали в себе 11 внутренних категорий. Т.о. 24 руб. годовых можно отнести к очень хорошей ставке. Хлыновские подьячие средней статьи считали достаточно высоким для себя и 19-рублевый оклад, который они рассматривали достойным для «своей братии» по некоторым сложившимся прецедентам¹⁷. Когда один из таких подьячих, Филипп Коробов, был переведен в том же 1713 г. из Вятской приказной избы в г. Слободской – один из вятских «пригородов», который стал центром вновь образованного уезда в составе Вятской обер-комендантской провинции -, ему назначили денежный оклад в 23 рубля. А ведь этот перевод рассматривался как повышение: Коробов получил ранг старого подьячего, став главой Слободской приказной избы¹⁸.

15. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 505.

16. Там же.

17. Д.А. Редин, *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711-1727 гг.)*, Екатеринбург: Волот, 2007, с. 492-494.

18. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 601.

Тряпицын же, оставаясь средним подьячим, оказался обладателем самого высокого жалования в своей категории. Этот факт наводит на мысль о том, что Иван Тряпицын к этому времени по какой-то причине попал в поле зрения хозяйственного губернатора и стал пользоваться его расположением: такие беспрецедентные надбавки не получал ни один из подьячих средней статьи хлыновской приказной избы. Напротив, известны случаи, когда князь Матвей отказывал подобным челобитчикам и даже понижал окладные ставки¹⁹. Дальнейшие события дали повод укрепиться в этом мнении: в конце ноября того же 1713 г. указом губернатора Тряпицын получил в свое ведение повытье уже упоминавшегося Филиппа Коробова на время исполнения последним служебных обязанностей в Слободском²⁰. И это было только началом.

Тряпицын, как и его собратья по канцелярскому перу, жил, разумеется, не только и не столько жалованьем. Оно и выплачивалось-то крайне неаккуратно, время от времени, часто подвергалось штрафным изъятиям и, скорее, служило маркером статуса приказного работника, чем источником существования. Территориальные повытья, которыми ведали хлыновские подьячие, давали им широкие возможности для всякого рода кормлений (неофициальных доходов от служебной деятельности). Вероятно, их аппетиты иногда становились чрезмерными и требовали вмешательства высшего руководства. Так, в 1711 и в 1712 гг. сибирский губернатор, сам знавший толк в кормлениях и поставивший их на широкую ногу во вверенном ему крае, был вынужден издавать указы, направленные на обуздание подьяческих корыстоуев²¹. Но, разумеется, губернаторские окрики имели, так сказать, ритуальный характер, а звучавшие в них угрозы подвергнуть смертной казни подьячих, разъезжающих по уезду «по своим прихотям всякими вымыслами для своих взятков», были данью риторике царских указов и ни кем близко к сердцу не принимались. Иван Тряпицын не был исключением. Скопив, явно не за счет жалования, некие свободные деньги, он, как оказалось, стал активно заниматься ростовщицеством — делом рискованным, но прибыльным. О масштабах его ростовых операций в первой половине 1710-х гг. можно отчасти судить по солидной сумме в 700 руб., которые ему задолжали, набрав «порознь» в «кабалы и росписки», вотяки (удмурты) вятских, коринских и верхнечепецких «долей и деревень». Взыскать долги наш подьячий пытался с помощью коменданта г. Слободского стольника Ивана Немтинова, но безуспешно. Тогда он обратился к губернатору, и князь Матвей Петрович снова проявил живое участие в деле Тряпицына. Указом от 19 июля 1714 г. кн. Гагарин велел слободскому коменданту доправить деньги на должниках и отдать их «ему, Ивану, с роспискою», взяв исполнение, говоря современным языком, под личный контроль: «А буде в чем у кого какой явитца спор, о том... в канцелярию Сибирской

19. Там же, л. 708-708 об., 709-709 об., 763-763 об.

20. Там же, л. 601.

21. РГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), оп. 5, д. 2072, л. 90-91 об.; ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 145-145 об.

губернии (ты бы, комендант. — Д. Р.) писал, а отписку велел подать Сибирской губернии губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину»²².

Накопив достаточно средств на кормлениях и ростовщичестве, оборотистый Тряпицын решил расширить поле деятельности и войти в винные откупы. Это было не легкой задачей. На попрание казенных кабацких откупов царяла жесткая конкуренция — занятие сулило баснословную прибыль, хотя и было сопряжено с большим экономическим риском. От претендентов требовалось не только наличие капитала, дававшего финансовые гарантии на случай убыточных винных продаж, но и покровительство властей. Во всяком случае, так обстояло в Сибири, где разрешение на приобретение откупов давал губернатор. Как было сказано выше, Тряпицын уже был известен князю Матвею и пользовался его благосклонностью. В 1713 г., весьма счастливым для подьячего, он не только получил повышение оклада и дополнительное доходное по выте, но и право «ставить» вино: заниматься винокурением и строить новые винокуренные заводы на Вятке. По условиям контракта с казной, в начале каждого года Тряпицын получал огромную сумму в 2 500 руб. для «покупки припасов к тому винному курению, также и в строении винокуренных заводов» — своего рода беспроцентную целевую ссуду, которую в течение года следовало погашать за счет продажи изготовленной продукции. А летом 1714 г. по прямому распоряжению губернатора Тряпицын получил еще более выгодные условия своей деятельности в качестве поставщика алкоголя. Князь Гагарин велел руководителю Вятской приказной избы дьяку В.Ф. Окоемову, ведавшему финансовыми делами края, выдать подьячему-подрядчику ссуду за будущий 1715 г., в результате чего Иван Васильевич получил 5 тыс. руб. оборотных казенных денег на год. И снова сибирский губернатор лично контролировал эту операцию, требуя докладывать о выдаче денег не только в канцелярию Сибирской губернии, но и непосредственно ему²³.

Выход на новое попрание стал началом еще более грандиозного будущего. Вероятно в эти же годы (1713-1715) Иван Тряпицын сошелся с еще одним откупщиком — «жителем» Слободского Андреем Шмелевым. Последний промышлял винными откупками в родном городе. Из отписки соликамского коменданта стольника Л.А. Синявина слободскому коменданту стольнику И.И. Немтинову от 20 января 1714 г., в частности, можно узнать, что Андрей Шмелев должен был поставить в Соликамск на кружечный двор в 1714 и 1715 гг. 10 тыс. ведер «простого вина» по 11 алтын 4 деньги за ведро, с выдачей ему денег по третям года и с оформлением на Шмелева поручной

22. РГАДА, ф. 973 (Слободской комендант, ландрат и земский комиссар), оп. 1, д. 2, л. 147-147 об. Канцелярия Сибирской губернии находилась в Москве и курировала все финансово-хозяйственные дела губернии под руководством ландрихтера дьяка И.Л. Чепелева. Ее не следует путать ни с Тобольской большой канцелярией — вторым учреждением губернского ранга, находившемся, как следует из наименования, собственно в губернском центре, ни с Сибирским приказом. Подробнее см.: Д.А. Редин, *Административные структуры и бюрократия Урала*, с. 154-162.

23. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 781-782.

записи²⁴. Аналогичная отписка Л. Синявина И. Немтинову имеется и за 1715 г. (от 18 августа)²⁵. Несомненно, Андрей Шмелев оказался для Тряпицына привлекательной фигурой в качестве компаньона по винному промыслу: и как опытный откупщик, и как человек с капиталом. Кроме того, А. Шмелев принадлежал к весьма влиятельной фамилии посадских и купцов Слободского; семьи этого клана проживали и в Хлынове. Очевидно, родственником Андрея был известный старый подьячий Вятской приказной избы Яков Шмелев, сослуживец И. Тряпицына, владевший деревнями и покосами. Еще один из Шмелевых, Алексей, в 1714 г. занимал выборную должность слободского городничего²⁶. Родственные связи Шмелева тоже были важным активом в руках складывавшегося делового альянса. У Шмелева сближение с Тряпицыным могло вызывать схожий интерес. Хотя Тряпицыны, судя по всему, не имели позиций в вятских приказных кругах как клан, сам Иван Васильевич к этому времени был, однозначно, человеком «капиталистическим» и среди канцелярской братии весьма заметным. Но, похоже, главным его достоинством было то, что он, все-таки, каким-то образом вошел в губернаторскую клиентелу и пользовался покровительством всесильного Гагарина.

Иначе как объяснить головокружительный успех новоиспеченного союза, последовавшего в 1716 г., когда у обоих, кстати говоря, закончился срок их прежних контрактов? В 1716 г., 20 мая очередной комендант Слободского майор Г.Ю. Елдезин, на основании губернаторского указа получил распоряжение вятского ландрата кн. Я.И. Вяземского «на Вятке во всех городех винокурни со всякими заводы, винную, воточную, и пивную, и медовую, и табашную продажу... отдать на откуп Ивану Тряпицыну, Андрею Шмелеву нынешняго году июля с 1-го дня по 718 год генваря по первое число. А сверх оклада наддачи брать у них по четыреста рублей на год²⁷. А продавать им вышеписанные питья своими людьми и наемными, а в уездах, где были обыкновенные кабаки, и в тех волостях, где явятца корчемные питья, и те питья вынимать им и против указу чинить»²⁸. Это означало, что компаньоны становились полными монополистами по производству и продаже всех спиртных напитков и табака на Вятке. Более того: указ разрешал им поставлять оставшееся от вятской торговли спиртное в соседние Соликамский и Верхотурский

24. Там же, ф. 973, оп. 1, д. 2, л. 41 об.

25. Там же, л. 137 об.

26. РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 4, л. 32-32 об.

27. Оклад в данном случае — фиксированная сумма, которая взималась казной с откупщика авансом, за еще не проданный объем спиртного. Наддача — сумма, которую откупщик обязался сдавать в казну сверх оклада после реализации товара. Обещание наддачи служило инструментом конкурентной борьбы между лицами, стремившимися получить откуп. Огромная разница между себестоимостью алкоголя и его продажной ценой позволяла откупщику при правильной постановке дела покрыть издержки и получить прибыль.

28. Корчемные питья — алкоголь, изготовленный частными лицами незаконно, в обход государственной монополии на производство и продажу спиртного. Такая продукция подлежала конфискации.

уезды. Тряпицыну и Шмелеву придавалась воинская команда «для бережи» винокурен, посылок к подведомственным подрядчикам и конфискации корчемного вина, а их деятельность становилась неподконтрольной комендантам, поскольку их единственным непосредственным начальником в этом промысле определялся вятский ландрат кн. Вяземский «или кто по нем ландрат будет»²⁹.

Неслыханная удача с получением монопольных прав в винной и табачной отрасли труднообъяснима без роли в судьбе И. Тряпицына сибирского губернатора. Надо отметить, что в 1715 г. не один Иван Васильевич добивался разрешения на откупные операции, причем в гораздо более скромных масштабах. Так, в январе откуп на пивную и медовую продажу в Слободском пытался заполучить Егор Семенович Дьяконов, весьма влиятельная фигура в приказном мире Вятки³⁰. Егор Дьяконов ранее служил вместе с Иваном Тряпицыным в Вятской приказной избе подьячим средней статьи, ведал различными повытьями. Его профессиональная карьера складывалась вполне успешно. В дальнейшем он сменил в канцелярии г. Слободского подьячего Ф. Коробова в должности главы учреждения, а к середине 1720-х гг. дослужился до старых подьячих, последовательно занимая посты секретаря камерирской земской конторы³¹ и Вятской провинциальной канцелярии³². Е.С. Дьяконов, обладатель деревень, был связан с могущественным кланом хлыновских купцов-гостинников и посадских Рязанцевых, чьи представители традиционно служили в подьячих и владели населенными деревнями, и с их свойственником Я.М. Хлудовым, подьячим и комиссаром в Хлынове, землевладельцем³³. И тем не менее И. Тряпицын сумел не просто обойти Е. Дьяконова, но достичь несопоставимо большего.

Чего уж говорить о робкой попытке Василия Копылова, собиравшего на Вятке «конскую пошлину и десятую долю с ызвозчиков» с окладом в 10 руб.³⁴?

29. Там же, л. 82-82 об.

30. РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 3, л. 68.

31. Там же, д. 8, л. 2.

32. РГАДА, ф. 425 (Вятская провинциальная канцелярия), оп. 1, д. 8, л. 208.

33. Яков Максимович Хлудов происходил из московских подьячих. Женившись на вдове хлыновского подьячего Петра Рязанцева Елене, он породнился с этим влиятельным семейством (РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 753-753 об.). В 1713 г. по челобитью губернатор кн. М.П. Гагарин назначил ему 50-рублевый денежный оклад «против большие статьи подьячих». Уникальное в этих краях для подьячего средней статьи жалование формально объяснялось компенсацией за сгоревшее московское подворье Хлудова (РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 469). Но речь шла не о разовой выплате, а об окладе. Это тоже наводит на мысль о каких-то патрон-клиентских отношениях Я. Хлудова с губернатором. Возможно, протекцию ему могли составить свойственники Гагарина: кто-то из Копьевых, которые сами происходили из московского посада. На Анне Степановне Копьевой был женат вице-канцлер П.П. Шафиров; их старшая дочь приходилась невесткой кн. Гагарина, а её дядя, шурины Шафинова, Даниил и Илья Степановичи, были верстаны Гагариным в тобольские дворяне и занимали воеводские и комендантские должности в сибирских городах.

34. Пошлины с продажи лошадей и с получаемой извозчиками платы по найму.

Когда эти сборы были отданы все тому же вездесущему Ивану Тряпицыну, Копылов просил у губернатора в декабре 1715 г. в возмещение утраты быть «в Хлынове в подвале у записки ведерной продажи и отдачи на стойки вина». Резолюция Гагарина на челобитной была скупа и холодна: «Давать ему то ж, Великого государя, жалованье по десять рублей на год ис таможенного збору от надзирателя»³⁵. Что касается Ивана Тряпицына, то он, с размахом занимаясь винными откупами и ростовщичеством, по-прежнему не гнушался и мелкими заработками. Помимо конских, он весной 1716 г. хлопотал о передаче ему на откуп на пятилетний срок оброчные сборы в Зачурмыжской волости Слободского уезда, обещая сверх положенного «платить по два рубли на год в Хлынове к канцелярскому сбору»³⁶. В ноябре 1716 г. кн. Гагарин указом слободскому ландрату И.М. Кологирову подтвердил права компанейщиков И. Тряпицына и А. Шмелева на винокурение в Слободском уезде³⁷. Это подтверждение понадобилось, вероятно, в связи с организацией в Слободском ландратского управления.

К 1717 г. Иван Тряпицын построил каменный дом, второй в Хлынове, и приделную церковь во имя иконы Казанской Божьей матери в городском Воскресенском соборе, что, несомненно, свидетельствовало о существенном росте его достатка³⁸.

Многохлопотная и доходная деятельность Тряпицына не мешала его служебной карьере. Как мы уже видели, его компетенция подьячего Вятской приказной избы всё это время только расширялась, обрастая новыми выгодными повытками, которыми ловкий Иван Васильевич ведал то как должностное лицо, то как откупщик. С каких-то пор повысился и его официальный статус. В одном из известных мне губернаторских указов конца 1718 г. (3 декабря), буквально накануне очередного «раунда» административных реформ, И.В. Тряпицын фигурирует в ранге комиссара при вятском коменданте стольнике В.К. Толстом³⁹. В 1718-1719 гг. комиссар Тряпицын устойчиво фиксируется источниками в паре с комендантом: им адресуются указы, они, в свою очередь, рассылают распорядительную документацию в уезды Вятки и ведут переписку с вышестоящими инстанциями. Круг служебных обязанностей комиссаров при комендантах сводился к осуществлению общей финансово-хозяйственной деятельности и чем-то напоминал сферу

35. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 884. Василий Ефимов сын Копылов в Вятской земской избе не значился. Скорее всего он мог быть таможенным подьячим.

36. РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 4, л. 44. Под канцелярскими понимались многочисленные мелкие сборы, собиравшиеся в специальных канцеляриях в 1700-х – 1710-х гг., объединенных под названием Ижорских, позже – Ижорской/Ингерманландской.

37. Там же, д. 5, л. 1.

38. А.В. Рева, Первые книгочеи Вятки, *Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию преподобного Трифона, вятского чудотворца), мат-лы междунар. науч. конференции*, в 2 т., Киров, т. 2, 1996, с. 51-53. Благодарю М.А. Киселева, указавшего мне на эту информацию.

39. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 47.

ответственности дьяков или старых подьячих в 1700-х – первой половине 1710-х гг., возглавлявших приказные избы или Денежные столы в этих учреждениях. В Сибирской губернии особый комиссар по денежным сборам при коменданте не был повсеместным явлением и, похоже, предусматривался в наиболее крупных уездах или в обер-комендантских провинциях, которой, по сути, являлась Вятка. С какого времени И. Тряпицын занял эту должность, сделав еще один заметный шаг по карьерной лестнице, можно лишь предполагать. Василий Кириллович Толстой появился в Хлынове в ноябре 1714 г., просидев на этой должности аж до самого конца 1719 г. Накануне приезда В.К. Толстого в Хлынов финансовыми делами на Вятке ведали дьяки Ф. Сычев (секретарь приказной избы) и В. Окоемов. Первый непосредственно заведовал сбором податей с уездных, а В. Окоемов – с посадских людей Вятки⁴⁰. Последний сменил Сычева в качестве дьяка-секретаря после утверждения Толстого в должности вятского коменданта⁴¹, в 1715 г. стал начальником Денежного стола в приказной избе⁴² (оставаясь, видимо, секретарем), но вскоре, в том же году был командирован в качестве начальника канцелярии денежных сборов при вятском ландрате кн. Вяземском⁴³. Вероятно, эти кадровые перемещения и открыли И. В. Тряпицыну дорогу к должности комиссара при вятском коменданте.

Тем временем в стране и в Сибири назрели очередные большие перемены. Исподволь готовившаяся кардинальная реформа государственного управления привела к тому, что в конце 1718-1719 г. царь приступил к созданию специализированных центральных органов власти – коллегий, под которые, по отраслевому принципу, начал реорганизовывать систему местных администраций. Почти одновременно, в январе 1719 г., в результате очередного следственного дела потерял должность первый губернатор Сибири кн. М.П. Гагарин. Эти события сказались и на судьбе И.В. Тряпицына, определив крутой поворот в его служебной и жизненной траектории.

В связи со сменой губернатора и началом внедрения новой системы управления власти заинтересовались финансовыми делами вятского комиссара: и как государственного служащего, и как крупного откупщика. В 1719 г. на Ивана Васильевича посыпались неприятные указы. Новоназначенный сибирский губернатор кн. А.М. Черкасский настойчиво требовал от Тряпицына

40. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 439.

41. Там же, л. 767, 793-793 об.

42. Там же, ф. 248 (Сенат и его учреждения), кн. 155, л. 952.

43. Там же, ф. 973, оп. 1, д. 4, л. 14. Учреждение ландратской канцелярии на Вятке не в качестве переписной, а в качестве финансово-административной единицы – интересная и в деталях не проясненная история попытки организации в Сибирской губернии ландратского управления на основании указа 1715 г. Система территориальной ландратуры в регионе отчасти была создана только на Вятке. Взаимоотношения ландратов, в частности, кн. Я.И. Вяземского, с вятским комендантом В.К. Толстым на сегодня не ясны. Подробнее см.: Д.А. Редин, Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого, *Известия Уральского федерального университета*, 2012, №3 (105), сер. 2, Гуманитарные науки, с. 31-47.

отчитаться по приехо-расхонной документаии за 1716-1718 гт.⁴⁴, а сибирский комиссар при Сенате стольник А.Д. Исупов (к слову сказать, будущий тюменский воевода), стал интересоваться относительно денег, вырученных Тряпицыным от продажи вина в 1718 г.⁴⁵ В принципе, можно было бы не считать эти указы свидетельством недоверия лично к Тряпицыну. При любой смене власти или, тем более, при реорганизации системы управления, новое руководство запрашивало подобные отчеты с лиц, ответственных за финансовые дела. Но самым зловещим стало то, что, наряду с этими проверками, персоней Тряпицына заинтересовались в следственной канцелярии гвардии майора И.И. Дмитриева-Мамонова, занимавшейся расследованием эпизодов преступной деятельности бывшего патрона Ивана Васильевича кн. Гагарина. В новейшей монографии Д.О. Серова и А.В. Федорова сообщается, что деятельность канцелярии Дмитриева-Мамонова по Хлынову осуществлял гвардии унтер-офицер И. Воейков, которого интересовал эпизод о получении опальным князем 1 тыс. руб. от местных посадских в 1710 г.⁴⁶ Но, похоже, проблема была куда как серьезней: в поле зрения Воейкова, как можно понять из указа кн. А.М. Черкасского коменданту Толстому от 25 февраля 1719 г., попала вся финансово-управленческая верхушка провинции. Кроме упомянутого «винного откупщика Ивана Тряпицына» в качестве подозреваемых числились дьяк Василий Окоемов и подъячий Егор Дьяконов, а в реестре Ивана Воейкова, перечислявшего необходимые к выемке документы по делу Окоемова, упоминался и вятский ландрат кн. Вяземский (в качестве лица, могущего дать нужные для следствия справки)⁴⁷.

Но судьба и на этот раз не оставила своей благосклонностью удачливого Тряпицына. Судя по всему, либо следствие не нашло оснований для включения его в круг обвиняемых по гагаринскому процессу, либо до него просто не дошли руки — известно, что громадные объемы следственных материалов «майорских» канцелярий, чья деятельность была свернута именным указом от 9 декабря 1723 г.⁴⁸, остались «не вершенными». Кроме того, к этому времени Тряпицын накопил богатый опыт управления финансовыми делами. Количество учреждений, вводимых в ходе новой реформы множилось, отраслевой принцип организации административных органов, особенно в сфере фискально-хозяйственной деятельности, требовал соответствующих специалистов и усугублял и ранее ощущавшийся кадровый дефицит, побуждая власти искать и беречь управленческие резервы.

44. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 159-159 об. К слову говоря, крайние даты затребованной отчетности позволяют предположить, что Тряпицын стал комиссаром при вятском коменданте в конце 1715-1716 г.

45. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 310-311.

46. Д.О. Серов, А.В. Федоров, *Следователи Петра Великого*. М.: Молодая гвардия, 2018, с. 90.

47. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 103-104, 105-112 об.

48. Д.О. Серов, А.В. Федоров, указ. соч., с. 283.

В результате этого, вятским комиссаром как квалифицированным канцелярским работником заинтересовались в Петербурге. 22 мая 1719 г. губернаторский указ из Тобольска за подписями обер-коменданта С.П. Карпова (тоже, кстати, фигуранта по гагаринскому розыску) и губернского ландрата В.П. Грекова, предписал Ивану Тряпицыну явиться к новому губернатору для представления в Камер-коллегию «для отправления... к зборам и принятия инструкций»⁴⁹. Со всей очевидностью на Ивана Васильевича строили планы по привлечению к работе в создаваемой камерирской конторе — провинциальном учреждении, ведавшем налогами и сборами и подчиненном Камер-коллегии. Вероятно, поездка завершилась благополучно: августовские документы показывают, что Тряпицын продолжил отправлять комиссарские дела при коменданте Толстом, ожидая реорганизации провинциальной администрации. Однако спустя некоторое время он попал в поле зрения другого центрального ведомства — Берг-коллегии.

Созданная для руководства промышленностью, Берг-Мануфактур коллегия, возглавляемая одним из ближайших сподвижников царя генерал-фельдцейхмейстером графом Яковом Вилимовичем Брюсом, озабочена развитием горнозаводской отрасли и созданием сети подведомственных учреждений. В рамках реализации этой программы в 1720 г. на Урал была командирована группа берг-коллежских представителей в составе капитана-поручика артиллерии В.Н. Татищева, берг-мейстера И.-Ф. Блиэра и берг-шрайбера И.Ф. Патрушева. В инструкции, выданной последнему 20 марта 1720 г. за подписанием президента коллегии гр. Я.В. Брюса и вице-президента А.К. Зыбина, и устанавливавшей должностные полномочия Патрушева в рамках горной канцелярии, которую следовало организовать в Сибирской губернии, на берг-шрайбера возлагались и обязанности казначея. Однако руководство коллегии предполагало, что Иван Патрушев, секретарь будущей канцелярии, примет финансовые заботы ведомства временно, «до прибытия камисара Ивана Тряпицына, и буде оной камисар Тряпицын зачем выслан не будет, и тебе быть до тех мест, кто вместо ево другой выслан будет»⁵⁰.

Таким образом, за кандидатуру незаменимого Тряпицына началась межведомственная борьба, первый тайм которой остался за Камер-коллегией. Вероятно, с момента организации в 1720 г. на Вятке земской конторы камерирского правления Иван Тряпицын служил там комиссаром. Однозначно считать его чиновником камерирского ведомства можно с января 1721 г., когда подпись Ивана Васильевича стала появляться на выявленных мною документах, третьей или второй после подписей сменявших друг друга земских камериров Якова Куклина, Ивана Чарушина и Григория Фирсова⁵¹.

49. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 194.

50. ГАСО (Государственный архив Свердловской области), ф. 24 (Уральское горное управление), оп. 1, д. 15, л. 78-79.

51. РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 955.

После 1718 г. расторопный приказный потерял монополию по винным откупам. За ним тянулся след крупного казенного долга, который возвращал к событиям уже далекого 1714 г., когда с подачи губернатора Тряпицын получил двойной пятидесятитысячный аванс на приобретение припасов и строительство винокурен. В 1723 г., 18 февраля земский комиссар Г. Фирсов делал запрос в Слободской дистрикт к тамошним комиссарам Т. Матушкину и Л. Поточинову о подлинных приходных книгах за 1715 г. Фирсов хотел выяснить, почему откупщику Ивану Тряпицыну не зачли расход в деньгах, издержанных на строение винокуренных заводов, и кто именно это сделал⁵². Речь могла идти о присвоении 2,5 тысяч, полученных Тряпицыным летом 1714 г. в счет следующего, 1715-го и либо оставленных для себя, либо поступивших... князю Матвею Петровичу. Ведь не из личных симпатий прежний губернатор сделал вятского подьячего держателем винной монополии на Вятке и открыл путь на рынок спиртного и табака в Соликамске и Верхотурье?

Тем не менее, ни на карьере, ни на благосостоянии, ни на характере нашего героя все колебания судьбы не отразились. «Сказки» 1721 г., собранные по Хлынову в рамках реализации подушной реформы провинциальным воеводой В.И. Чаадаевым, показывают Ивана Тряпицына богатейшим человеком среди приказных и посадских провинциального центра. В его распоряжении были частные винокурни и семь оброчных мельниц, на которых, а также в городском доме и двух загородных дворах работали на комиссара «из найма, также и за долговые деньги» 47 работников, не считая малолетних (младше 15 лет)⁵³.

Роковая страсть: Тряпицын-горнозаводчик

Имеющиеся в распоряжении Ивана Тряпицына капиталы, неистребимая предприимчивость и хорошая осведомленность в административных делах, побудили его поискать счастья в новом перспективном направлении: металлургическом производстве. Именно поэтому он стал известен историкам металлургии, не знаящим, при этом, обстоятельств предшествовавшей жизни и происхождения новоявленного заводчика. Судя по имеющимся данным, Тряпицын воспользовался правами, предоставлявшимися Берг-привилегией частным лицам в горно-металлургической отрасли уже через год после опубликования этого акта⁵⁴. Николай Иванович Павленко называл его «первым владельцем небольшого промышленного хозяйства

52. Там же, ф. 973, оп. 1, д. 8, л. 21.

53. *Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий*, с. 121-122.

54. Напомню, что Берг-привилегия, опубликованная 10 декабря 1719 г., была первым специальным актом, регулировавшим организацию и управление горно-металлургической отраслью в России. Среди её важнейших положений были нормы, разрешавшие любым лицам производить поиск ископаемых и строительство и эксплуатацию металлургических заводов на землях любой владельческой принадлежности. *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание первое, т. 5, № 3464.

на Урале», указывая, что разрешение на строительство завода он получил указом Берг-коллегии от 20 июня 1720 г.⁵⁵ К этому времени Тряпицыну удалось разведать запасы медной руды на реках Тулве и Бабке. Его медеплавильное предприятие — Давыдовский завод, было построено в семи верстах к северо-западу от г. Осы на паях с неким башкирцем Иматкуловым, вероятно вотчинником земель, на которых развернулось тряпицынское дело⁵⁶. В следующем, 1721, году, в августе месяце, вятский комиссар исхлопотал в Берг-коллегии разрешение на поиск руды и устройство второго медеплавильного завода на территории своего родного уезда; к этому начинанию он привлек в качестве компаньона «вятского жителя подьячего Ивана Шмелева», родственника своего старого компаньона по винным откупам Андрея Шмелева. Копать руду и ставить завод компанейщикам разрешили на землях вятского Успенского Трифонова монастыря⁵⁷, в местах Ивану Васильевичу хорошо знакомых, поскольку восемью годами ранее он собирал недоимки с тамошних крестьян и ведал их в своем повытье. Удалось ли ему построить завод — неизвестно, но расширить свое металлургическое хозяйство Тряпицын старался со всей присущей ему деловой энергией. В источниках есть глухое упоминание о том, что в 1723 г. он пытался завести еще один медеплавильный завод где-то в Казанской губернии в компании с коллежским ассессором Михаилом Аврамовым⁵⁸. Скорее всего, этот проект остался нереализованным, поскольку, помимо упомянутого Давыдовского, в литературе единодушно указывается лишь еще один завод, причем устроенный Иваном Васильевичем не в Вятском, а в Осинском уезде, на землях ясачных татар. По местному гидрониму — Анцубскому ключу, притоку Тулвы (бассейн Камы), завод называли Анцубским, хотя в источниках он еще именуется по имени владельца Тряпицынским. Когда это произошло, до сих пор точно не выяснено. Современная энциклопедия «Металлургические заводы Урала» указывает временем его возникновения 1728 г., а Н.И. Павленко, ссылаясь на указ Берг-коллегии от 26 февраля 1730 г., склонялся к последней датировке, в чем с ним солидаризировались авторы академической «Истории Урала»⁵⁹. В любом случае, очевидно, что расширение производства давалось Тряпицыну не легко.

Так или иначе, но горное дело захватило деятельного комиссара всерьез. Практически одновременно с началом реализации своих замыслов на новом

55. Н.И. Павленко, *История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводладельцы*, М.: Наука, 1962, с. 274.

56. Н.К. Чупин, *Географический и статистический словарь Пермской губернии*, Пермь: Тип. Поповой, 1873, т. 1, с. 433.

57. ГАСО, ф. 24, оп. 2, д. 115, л. 5 об.

58. РГАДА, ф. 16 (Разряд XVI. Внутреннее управление (коллекция) Государственного архива Российской империи), оп. 1 т (Машинописная), д. 332, л. 8.

59. *Металлургические заводы Урала. Энциклопедия*, Екатеринбург: Академкнига, 2001, с. 34; Н.И. Павленко, *История металлургии в России*, с. 275; *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* (под ред. А.А. Преображенского), М.: Наука, 1989, с. 572.

поприще Иван Васильевич стремился наладить тесные контакты с набравшей силу горнозаводской администрацией. Прежний опыт отношений с сибирским губернатором здесь явно не годился. Генерал-майор В.И. Геннин, царский порученец и фактический глава Сибирского обер-бергамта в отличие от князя Гагарина был не тем человеком, с которым можно было сблизиться на почве криминальной наживы, но он ценил опытных и знающих сотрудников. Как мы видели, в силу каких-то обстоятельств Иван Тряпицын не попал в число руководителей регионального горного управления в 1720 г., но он постарался устроить по новому ведомству своих родственников. Прежде всего, Тряпицын решил обучить перспективной специальности своего единственного сына Дмитрия. Это было важно и для служебного продвижения наследника в отраслевой системе управления, и для передачи под его надзор собственных предприятий. Возможно, когда Тряпицына-старшего прочили в казначеи формирующегося Уральского горного начальства, ему удалось войти в контакт с кем-то из присланных на Урал берг-коллежских чиновников, может быть и с В.Н. Татищевым, и обеспечить своему сыну протекцию. Иначе трудно объяснить тот факт, что в феврале 1722 г. Дмитрий Тряпицын получил паспорт за подписанием президента Берг и Мануфактур-коллегии гр. Якова Брюса для поездки в Стокгольм с целью «обучения поиску руд и пробирного мастерства». Из текста паспорта явствовало, что Д.И. Тряпицын на момент выдачи документа находился в Москве и сам («по собственному прошению») инициировал эту поездку. Примечательно, что его отец назван при этом «рудных дел комиссаром»⁶⁰. И хотя командировка не состоялась, Дмитрий Тряпицын все же получил специальное образование, правда уже в Екатеринбурге. В 1726 г., в протокольной записи заседания Сибирского обер-бергамта от 9 марта можно прочесть, что сыну комиссара Ивана Тряпицына Дмитрию был дан отпуск для поездки домой после окончания обучения пробирному делу⁶¹.

В 1724 г., 28 декабря, указом Сибирского обер-бергамта в Екатеринбургскую земскую и судную контору (орган, ведавший в рамках отраслевого управления административными, податными и судебными делами по крестьянам) в земские комиссары Алапаевского и Каменского дистриктов (своего рода уездов ведомственного подчинения) были переведены «из вятских» соответственно Иван Чарушин и Гордей Тряпицын⁶². Если Иван Чарушин был хорошо известен в вятской приказной среде, будучи подьячим Вятской приказной избы, а затем некоторое время вятским камериром, то Гордей Тряпицын начинал служебную карьеру «с площади»: в материалах ландратской переписи 1717 г. он показан крепостных дел надсмотрщиком.

60. Н.И. Павленко, *Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление*, М.: Наука, 1953, с. 24.

61. ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 77 об.

62. ГАСО, ф. 34 (Екатеринбургская контора судебных и земских дел), оп. 1, д. 5, л. 134 об.

Вероятно, Гордей доводился младшим братом нашему герою⁶³. Чем занимался Гордей Васильевич в последующие годы – неизвестно, но, вероятно, он делал административную карьеру: в результате второй областной реформы бывший крепостной надсмотрщик оказался в земских комиссарах. Об этом свидетельствует «Ведение, коликое число Вятцкой правинции бытности камисара Гордея Тряпицына со определенного дистрикта им... з дворового числа с прошлого 720 по 724 годы окладных и запросных зборов собрано и... в доимке...» 1725 г.⁶⁴ Из документа ясны и его должность, и время службы в Вятской провинции. Став в 1724 г. каменским земским комиссаром, Гордей Тряпицын, хотя и не без проблем и взысканий, сумел закрепиться в роли руководителя одного из старейших горнозаводских дистриктов; следы его деятельности на этом поприще прослеживаются в известных мне документах до начала 1727 г.⁶⁵

Появление сына и брата Ивана Тряпицына в структурах горнозаводского ведомства показывает, что он явно создавал себе условия для «натурализации» в новом административном пространстве, поскольку продвижение его младших родственников едва ли обошлось без совета и протекции этого опытного управленца.

А что же сам Иван Тряпицын? Как было показано выше, в 1720-х гг. он активно вкладывал средства в горное дело, разворачивая на различных территориях Вятской и Уфимской провинций поиск и добычу медной руды и пытаясь наладить собственное медеплавильное производство. Разнообразные документы, главным образом протоколы заседаний Сибирского обер-бергамта, показывают Тряпицына-старшего как компанейщика и заводовладельца. Судя по всему, в отличие от сына и брата, он не порывал с родными краями и по-прежнему жил на Вятке.

Сложнее разобраться с характером его службы. В материалах административного делопроизводства Иван Тряпицын, приблизительно, с 1723 или 1724 г. именуется «комиссаром», «вятским комиссаром», «рудных дел комиссаром», «рудокопии комиссаром», иногда – «компанейщиком». В ряде случаев можно встретить и сочетание этих вариантов по формуле: «комиссар и компанейщик». Содержание этих источников наводит на мысль о том, что наш герой оказался с этого времени под юрисдикцией горнозаводского ведомства.

Чтобы понять, каким статусом обладал новоиспеченный заводовладелец, следует начать с относительно позднего документа, который ретроспективно переносит нас в 1723 г. Речь идет о доношении в Сибирский обер-бергамт

63. Гордей Васильевич Тряпицын, согласно указанной переписи, проживал на той же Морозовской улице, вероятно, в соседнем доме с Иваном Васильевичем Тряпицыным. К 1717 г. Гордей был женат, бездетен, держал двух крепостных — мужа и жену Барамзиных с двухлетним сыном и срочного работника. *Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий*, с. 98.

64. РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 16, л. 47.

65. ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 6, л. 8 об., 34 об.; ф. 42 (Каменская земская контора), оп. 1, д. 9, л. 186-186 об.; ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 88-88 об.

башкир Уфимского уезда Осинской дороги братьев Камышевых, поданном 3 марта 1733 г. В нем доносители предлагали провести пробы найденной ими руды и сообщали в преамбуле, что таковая была найдена их братом еще раньше, «назад тому будет лет с десять», когда в их деревню Казмакты приезжал «*рудокопии комиссар* Иван Тряпицын к брату нашему Касынот Ижбулатову, и велел оному брату... приискывать всякие руды и объявлять к себе, и за прииск де будет государево жалованье»⁶⁶.

В 1725 г., в протоколе заседания того же учреждения от 23 декабря отмечалось слушанье дела о взыскании с Тряпицына крупной суммы в 2 203 руб. 50 коп. Сама сумма вроде бы возвращает нас к истории о давнем казенном долге по винным откупам – она близка к тем 2,5 тыс. руб., которые Тряпицын получил в счет 1715 г. и которые, в принципе, могли числиться на нем все это время. Небольшое расхождение в величине можно легко объяснить разными причинами: от частичного погашения долга до ошибок в документации. Но возможно, что это была какая-то другая задолженность. Интереснее другое. Хотя в упоминаемом документе Иван Тряпицын назван вятским комиссаром, долг с него правит Сибирский обер-бергамт через подчиненное учреждение – Пермский бергамт⁶⁷. Это может свидетельствовать лишь о том, что в 1725 г. Тряпицын-старший был подсуден горному ведомству (хотя бы и как частный заводчик), а «вятским» именовался не по службе, а по месту жительства.

Еще один протокол Сибирского обер-бергамта (от 11 июня 1726 г.) закрепляет представление о подсудности Тряпицына отраслевому начальству. Из него следует, что комиссар Тряпицын, *бывший на Вятке у рудных дел*, вступил в острый конфликт с провинциальными властями. В этом конфликте фигурировали крестьяне «Зилонтова монастыря» (видимо, Успенского Зилантова монастыря под Казанью). Вятские власти обвиняли Тряпицына в «держании помянутого монастыря крестьян» и «в бесчестии судей», и пытались «править» с него за это штрафные деньги. Сам Тряпицын во встречной челобитной обвинял в «нападении на него вяцкого воеводы». В своей промемории Вятская провинциальная канцелярия извещала горное начальство о невозможности выслать комиссара «для следствия и розыску из оной Вяцкой провинции в Сибирской обер-бергамт»⁶⁸. В этом прецеденте Иван Васильев сын Тряпицын без всякого сомнения снова выступает как лицо, по роду деятельности подсудное горным властям, поскольку занимался организацией добычи руды на Вятке. Он привлекал к рудокопным и заводским работам крестьян различной ведомственной юрисдикции – это было не в диковинку в описываемое время. Его действия, воспринятые как самоуправство провинциальными властями, привели к конфликту и, не исключено, даже к банальной драке с воеводой, что тоже вполне вписывалось в нравы эпохи. Задержанный на Вятке, Тряпицын был истребован в Екатеринбург,

66. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 395, л. 99.

67. ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 193, л. 156 об. -157.

68. Там же, д. 194, л. 182-182 об.

под суд своего отраслевого начальства, которое, вполне возможно, намеревалось спустить дело на тормозах, чему воспрепятствовали в Хлынове, считая конфликт в сфере своей компетенции.

Наконец, самый интересный из документов – распоряжение Сибирского обер-бергамта от 30 января 1727 г. о понуждении офицеров полков, чьи полковые дворы находились на территориях ведомства, к выплате горному начальству 10 000 руб. за металл, поставленный заводами на нужды московской Артиллерийской канторы. Среди трех уполномоченных лиц, которым поручалось взаимодействовать с полковыми представителями, был назван *компанейщик и комиссар* Иван Тряпицын, «ответственный» за контакты с Ингерманландским полком, чьи зимние квартиры были на территории Вятской провинции⁶⁹. Это распоряжение не только указывает на то, что бывший подьячий находился в юрисдикции горных властей, но и информирует нас, что последние могли возлагать на него весьма ответственные и непростые поручения. Но в свою очередь, сказанное побуждает поставить еще более сложный вопрос: означало ли это, что Тряпицын с какого-то времени (с 1723 или 1724 г.) порвал со службой по камерирской земской канторе в Вятской провинции и стал не только заводовладельцем, но и чиновником горного ведомства?

Общие представления об условиях службы в петровскую эпоху как будто не дают оснований предположить такое развитие событий. Оставить должность по собственному желанию было крайне затруднительно, особенно, если речь шла о человеке такого управленческого опыта, как Тряпицын. В обстоятельствах острейшего дефицита кадров он мог лишь перейти (причем, при самой энергичной поддержке берг-администрации) с одной службы (в Вятской провинции) на другую (в органы горного управления). Но комиссарское звание, сопровождающее упоминания о Тряпицыне в документах 1723–1727 гг. совершенно очевидно не связано с провинциальной канцелярией: он комиссар горного ведомства, хотя имеющиеся источники не показывают Ивана Васильевича в штате какой-либо из горнозаводских кантор.

Объяснить его положение можно только одним способом: пользуясь своими капиталами и правами, данными Берг-привилегией на свободное занятие рудокопными и заводскими делами, пронырливый Тряпицын исключил себе звание комиссара Берг-коллегии. Самый известный случай такого рода связан с Никитой Демидовым (Антуфьевым), получившим аналогичное комиссарское звание еще в 1709 г.; это был достаточно эксклюзивный прецедент, подчеркивавший особые заслуги основателя демидовской династии как в деле развития горнозаводской отрасли, так и лично перед царем. После принятия в 1721 г. Табели о рангах, звание коллежского комиссара отнесли к низшему, XIV классу, наряду с земскими комиссарами, фискалами при надворных судах, провинциальными чинами финансовых коллегий (земскими камерирами и рентмейстерами) и т.п. Но если последние звания

69. ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 72.

были прямо соотнесены с должностью, то прелесть положения коллежских комиссаров заключалась в том, что такой обязательной привязки к должности они не имели. Их статус был размыт; звание присваивалось лицам, занятым в сфере промышленности и коммерции, как бы в качестве поощрения, но при этом и в ознаменование государственной значимости их занятий. Не имея фиксированных должностных обязанностей и окладного жалования, коллежские комиссары выводились из юрисдикции администраций общего управления и получали право представлять отраслевые власти в рамках своей сферы деятельности. При этом отраслевые власти могли возлагать на этих комиссаров разовые поручения в точном соответствии с изначальным смыслом слова «комиссар» (фр. commissaire < ср.-лат. commissaries – уполномоченный)⁷⁰. Подобный статус давал его обладателю определенную свободу маневра, в том числе столь ценную в петровское время ограничений и регламентаций свободу передвижения, свободу от «сидения» в канцелярии. И если сказанное и не объясняет в деталях, каким образом Иван Тряпицын сумел избавиться от своих занятий в камерирской вятской конторе и получить звание берг-коллежского комиссара, то во всяком случае поясняет его статус. Можно сказать, что наш герой, воспользовавшись возможностями, которые открывались в связи с очередными переменами в государственной политике, сделал стратегически правильный выбор: к имевшемуся у него капиталу он присоединил еще один важный ресурс — свободу действий, и рискнул попробовать себя на совершенно новом поприще.

Однако риск, на который пошел Тряпицын-заводовладелец, не оправдал возлагаемых надежд. Уже в 1725 г. финансовые затруднения начал испытывать его Давыдовский завод. К тому времени совладельцем этого предприятия вместо Иматкулова стал уже упоминавшийся Иван Шмелев. В июле месяце компаньоны жаловались в Берг-коллегию на нехватку средств и просили ссуду. В 1728 г. завод простаивал «за оскудением оного Тряпицына»; в поисках средств Иван Васильевич привлек в компанию вятских купцов Григория и Карпа Вяземских и ясачного татарина Маметкула Матхулова, но это не изменило ситуацию. Производство стремительно сокращалось, и главной причиной, пожалуй, стало истощение рудной базы⁷¹. Заметно лучше обстояли дела на Анцубском заводе; относясь, как и Давыдовский, к мелким предприятиям, он давал гораздо большую выплавку и, по свидетельству В.И. Геннина, еще в 1735 г. на нем действовали три медеплавильные печи⁷². Скупой на похвалы генерал хорошо охарактеризовал Тряпицына как заводчика: «Оной камисар к заводам и горным делам немалую охоту имел и для обучения к тем делам нарочно посылал во Швецию сына своего». По мнению

70. Современный словарь иностранных слов, с. 292.

71. Н.И. Павленко, *История металлургии в России*, с. 275; *Металлургические заводы Урала. Энциклопедия*, с. 180.

72. В. де Геннин, *Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 г.*, М.: Государственное издательство «История заводов», 1937, с. 632.

Геннина, крах производства Тряпицына и компаньонов произошел «за недостатком их», т.е. по причине нехватки денег. Если оценки Вилима Ивановича принять за справедливые, то можно сказать, что вятский подьячий стал жертвой страсти к заводскому делу. В своей «охоте» он не рассчитал рисков, связанных с капиталоемким и технически сложным делом, и прогадал.

Дмитрий Тряпицын, несмотря на свою специальную подготовку, видимо не унаследовал деловую хватку отца. А может, у него, действительно не осталось средств. После смерти Ивана, которая наступила, вероятно, не ранее 1731 г., его ученый сын распродал убыточные предприятия: в 1731 г. Давыдовский завод, покупателем которого стал Никита Никитич Демидов, а в 1732 г. Анцубский, купленный отцовскими компаньонами братьями Вяземскими⁷³. Дальнейшая судьба тряпицынских заводов показывает, что их недолгий век был, все-таки, связан не столько с недостатком финансовых возможностей владельца, сколько с истощением запасов медной руды. Так, Никита Никитич Демидов, обладавший гораздо большими возможностями, чем Тряпицын, так и не смог реанимировать доставшийся ему Давыдовский завод именно из-за отсутствия сырья. Показательно, что последняя плавка на этом заводе, еще при жизни его основателя, в 1729 г. была смехотворно мала: 35 пудов. В то же время Анцубский завод, дававший даже в худший год 126 пудов продукции, в руках Вяземских показал способность к большему, несколько раз (в 1737 и 1741 гг.) переваливая за 1 000 пудов выплавленной меди. И хотя по сравнению со многими другими предприятиями отрасли он выглядел скромно, завод работал и закрылся в 1743 г. не из-за недостатка средств, а в результате все того же истощения рудников⁷⁴.

Хотя Иван Тряпицын был назван Н.И. Павленко «разорившимся заводовладельцем», умер он явно не на паперти. Во всяком случае, ему, вероятно, удалось сохранить свою хлыновскую недвижимость, в том числе — городскую усадьбу, дом в которой представлял, судя по всему, незаурядную постройку. На одном из современных Интернет-ресурсов г. Кирова (бывшего Хлынова), позиционирующего себя как «новостной блог, нацеленный на развитие и продвижение архитектуры, дизайна и строительства города Кирова», мне удалось найти материал, повествующий о судьбе тряпицынского детища. По информации анонимного автора, стиль изложения которого выдает в нем профессионального архитектора, дом был столь значительным, что в 1749 г. его выкупили у вдовы Ивана Васильевича, Маланьи Федоровны, местные власти под нужды Вятской провинциальной канцелярии, в которой наш подьячий провел свои самые удачливые годы, а после открытия Вятского наместничества в 1780-х гг. там размещалось наместническое правление и, некоторое время — резиденция вице-губернаторов. В начале XIX в. в нем давали любительские спектакли, пока, наконец, в 20-х гг. столетия дом не пришел в полную негодность и был

73. Н.И. Павленко, *История металлургии в России*, с. 275; *Металлургические заводы Урала. Энциклопедия*, с. 34.

74. *Металлургические заводы Урала. Энциклопедия*, с. 34-35.

снесен. Хотя статья вызывает большие сомнения с точки зрения истории семьи Тряпицыных (названных, почему-то Тряпицыными), её историко-архитектурная составляющая (с приложением плана тряпицынской усадьбы) выглядит убедительно и вполне профессионально⁷⁵.

Что нам в Тряпицыне? Вместо заключения

История Ивана Тряпицына, которого я назвал удачливым, своим завершением как будто перечеркивает данный ему эпитет. Мне неизвестны судьбы его сына и брата, их потомства, если таковое было. Может быть, это стало следствием того, что и судьба самого Ивана Васильевича, реконструкция его карьеры явились, как сообщалось в начале, следствием случайного авторского любопытства: специальное изучение истории этого рода не входило в мои планы. Возможно, его потомки — ближайшие или отдаленные — впоследствии процвели и заняли достойное место в среде хлыновского общества или где-нибудь в других краях. А возможно, тряпицынский род не преуспел, затерялся среди сонма заурядных собратьев или вовсе пресекся. Продажа его вдовой городского дома напоминает ликвидацию последнего актива и делает вероятным самые пессимистические прогнозы.

И тем не менее, сам Иван Васильевич достоин, как представляется, внимания в качестве человека, который, будучи не обделенным судьбой, попытался выстроить стратегию успеха и достаточно грамотно распорядился возможностями обстоятельств места и времени для продвижения по социальной лестнице.

Так кто же он, Иван Тряпицын, провинциал, делавший карьеру в петровское царствование? Мелкий канцелярский служащий, чей ранг в масштабах региона оказывался достаточным для безбедного существования и продвижения потомства, или предприниматель, в погоне за экономическим могуществом сделавший неверные вложения? Этот вопрос снова побуждает нас вернуться к продуктивному тезису о «поливалентности» провинциальных приказных в России конца XVII — первой четверти XVIII в., сформулированному А.В. Жуковской и Е.В. Акельевым на материалах истории рода Шагаровых. Констатируя, что для многих, если не для большинства, подобных Шагаровым, «богатство помогало служить, а служба позволяла обогащаться»⁷⁶, авторы не просто зафиксировали определенный тип приказного дельца, охарактеризовав стандартную стратегию социального успеха, принятую в этой среде, но вышли на более широкие обобщения, акцентировав внимание на давней дискуссии о генезисе российской бюрократии. Отмеченный синтез службы и предпринимательства по мнению авторов

75. Электронный ресурс. Код доступа <http://www.archidesignfrom.ru/905-dom-i-v-trapicyna.html> Дата обращения 27.01.2019.

76. Anna Joukovskaia, Evgenii Akelev, указ. соч., п. 470.

не позволяет считать его носителей «профессиональной бюрократией» и в петровское время. «Подьячий и, особенно, дьяк – это чины, которые *при определенных условиях* времени и места *позволяли* (в обоих случаях выделено авторами статьи. – Д.Р.) отдельным индивидам выработать социо-экономический профиль профессионального бюрократа, но эта зависимость не являлась ни абсолютной, ни – скорее всего – доминирующей», – заключают историки⁷⁷. С этим можно согласиться, имея мы некий надежный нормативный образец «настоящего бюрократа». Но есть ли он? Совершенно очевидно, что в качестве такового норматива мы снова, вольно или не вольно, воскрешаем в своей памяти веберовский тип «идеального бюрократа». Но не является ли «идеальный чиновник» Макса Вебера такой же когнитивной ловушкой как социальный класс Карла Маркса? Не есть ли это мираж, который начинает расплываться и исчезать при всякой попытке его соотнесения с конкретно-историческими реалиями не только России, но, пожалуй, любой европейской страны раннего Нового времени? Не базируется ли этот идеальный образ, как и упомянутые классы Карла Маркса, на очень узко локализованном историческом материале, а потому не имеющий приписываемой ему универсальности? Конечно, трудно не согласиться с Дж. Ле Донном, протестовавшим против склонности иных историков причислять к бюрократам, или чиновникам (*officials*) даже тех, кто не был вовлечен в канцелярскую работу (*office work*)⁷⁸. Но ведь и Шагаровы, и Тряпицын, и многие другие их собратья по перу не просто были вовлечены в канцелярскую работу – она составляла основу их деятельности, в том числе становясь залогом их успешного предпринимательства, о чем справедливо пишут А.В. Жуковская и Е.В. Акельев. Не будь они *officials*, их жизненная стратегия и карьерная траектория выглядели бы совершенно иначе. Взаимное притяжение и взаимная обусловленность власти и капитала – явление, насколько можно судить, не исключительно порожденное российской ситуацией рубежа XVII-XVIII вв. Его можно обнаружить (в той или иной степени) в разных странах и эпохах, в том числе и в современности, когда процветание коммерческих структур, аффилированных с государственными служащими, напрямую зависит от степени влияния последних в государственных структурах и наоборот. И речь идет не только о современной России, где эта взаимозависимость, вероятно, заметна более, чем где-либо.

В карьерной истории Тряпицына можно усмотреть *один из вариантов*, который позволял обеспечить индивиду и его потомству устойчивый рост социального статуса. Это был путь к успеху через провинциальную канцелярию, через ту самую *office work*, или приказную работу, для чего следовало проникнуть в приказную среду. Сам по себе статус подьячего в провинциальном учреждении не мог гарантировать успеха, но он давал шанс.

77. Anna Joukovskaia, Evgenii Akelev, указ. соч., п. 471.

78. J.P. Le Donne, *The Eighteenth-Century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class*, *Cahiers du Monde russe et Soviétique*, 1993, vol. 34 №1-2, p. 139-140.

Формально, в масштабах общегосударственной служебной иерархии, очень низкая, подьяческая должность в приказной избе являлась весьма выгодной. Если в столичном Петербурге её обладатель мог всю жизнь владеть жалкое существование без всякой надежды на перспективу, то в провинции приказный делец чувствовал себя вполне значительной фигурой. В свое время я назвал это «феноменом Башмачкина», рассуждая о том, как изменение масштаба административного пространства влияет на иерархическое положение носителей одного и того же статуса⁷⁹.

Влиятельное положение вятских подьячих основывалось не только на том, что через их руки проходили многочисленные «корыстные» челобитчиковы дела (что было характерно для всех их собратьев в разных частях страны), но и на особенностях системы управления, сложившейся на Вятке. Характерной чертой этой системы было то, что подьячие приказной избы активно привлекались в качестве администраторов-управленцев, руководителей территориальных повытий, и круг их полномочий не ограничивался только ведением делопроизводства. Наличие территориальных повытий и их преобладание над функциональными было связано, вероятно, с особенностями организации этой сложной области, ухидившей корнями едва ли не в новгородскую старину. Социальная организация Вятки, не имевшая в своем составе служилой страты, но располагавшая мощным посадом, из среды которого происходили местные подьячие, генерировала администраторов сельских присудов из числа последних. Станы и волости Вятки отдавались в непосредственное управление приказным, подобно тому, как в более восточных уральских и зауральских уездах слободы и остроги управлялись приказчиками из местных служилых людей. Это позволяло приказным получать доходы не только через традиционные для них «кормления от дел» и «почести», но и от «кормлений» на своих сельских повытьях. Выше было показано, что хлыновские приказные добивались такого рода служб, и наш Иван Тряпицын был одним из наиболее преуспевающих на этой ниве.

Несомненно, доходы от управленческой деятельности служили стартовым капиталом для предпринимательской активности местных приказных. Тип подьячего-предпринимателя был явлением в России того времени повсеместным – наверное это следует уже признать безоговорочно, учитывая накопленные историографические наблюдения. Вятские подьячие, и в первую очередь хлыновские, вкладывали деньги в приобретение земельной недвижимости, стимулом к чему, помимо прочего, служили упомянутое выше отсутствие поместного дворянского землевладения и вызванная этим характерная и давняя для черносозного Севера практика крестьянской торговли земельными участками. Уже в описываемое время многие «работники» Вятской

79. Е.В. Алексеева, Д.А. Редин, М.-П. Рей, «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода, *Вопросы истории*, 2016, №6, с. 3-21; англоязычная версия этой статьи: Elena Alekseeva, Dmitry Redin, Marie-Pierre Rey, Europeanization, Westernization and the Mechanism of Adaptation of Western Innovations in Imperial Russia, *Social Sciences*, 2016, vol. 47, №4, p. 22-38.

приказной избы владели населенными деревнями, а в перспективе XVIII в. число таких землевладельцев настолько выросло, что вынуждало крестьян обращаться с челобитными на засилье купцов – «деревенских владельцев». Об этом, в частности, основываясь на источниках 1730-х гг., писал Аркадий Иванович Комиссаренко⁸⁰. Среди наиболее видных владельцев фигурировали уже известные нам фамилии Коробовых, Глухих, Хохряковых, Шмелевых и др., представители которых устойчиво и на протяжении долгого времени пополняли приказный контингент местных учреждений. И хотя их владения, по большей части, относились к мелким (от нескольких до нескольких десятков дворов), они были вполне сопоставимы с землевладением огромного большинства малодворного провинциального дворянства. Разумеется, земельное стяжание не являлось единственным объектом приложения средств приказных. Наличие денег позволяло им держать наемных работников, дворовых по «жилым» записям и крепостных, пускаться в ростовщические операции и в прибыльные откупа. Именно этим путем пошел укреплять свое благосостояние Иван Тряпицын, не имевший, судя по всему, в начале своей деятельности охоты к приобретению деревень и угодий, но вложивший, подобно Шагаровым, наличный капитал в рост и винные откупа.

Административный ресурс и материальный достаток, взаимно подкреплявшие друг друга, требовали не только ловкости, деловой хватки и энергичности их обладателей, но и сильного покровительства. Неформальные отношения, принимавшие, в том числе, вид патрон-клиентских связей, были еще одним обязательным условием на пути достижения социального успеха. У Тряпицына, судя по всему (и не только у него), таким патроном стал первый сибирский губернатор. Конечно, деловитый хлыновский подьячий находился на периферии гагаринской клиентелы. Их едва ли связывало что-то, хоть отдаленно напоминавшее отношения *maître-fidèle* или даже *protecteur-créature*, описанные Роланом Мунье: для этого фигура Ивана Тряпицына была слишком дистанцирована – и географически, и иерархически – от всемогущего до поры князя, входившего в круг наиболее влиятельных сановников Петра I. Но наличие между ними связи по типу клиентских отношений в самом тесном смысле этих слов (*clientele relationships*), как отношений, возникших на основе конкретного интереса и поддерживающиеся до тех пор, пока в них имеется практическая потребность, на мой взгляд, достаточно очевидно⁸¹.

Вполне в духе традиционных социальных практик действовал Иван Васильевич, когда выстраивал вокруг себя собственную систему лояльности, основанную на деловой дружбе и родстве, что проявлялось в устойчивом

80. А.И. Комиссаренко, Земельные отношения и фискальные повинности крестьян Вятки в XVIII в., *Россия и мир: Панорама исторического развития* (отв. ред. Д.А. Редин), Екатеринбург: Волот, 2008, с. 572-573.

81. Roland Mousnier, « La société de fidélités », *Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598-1789*, t. 1, *Société et État*, P.: Presses universitaires de France, 1974, p. 85-93; Roland Mousnier, « Les fidélités et les clientèles en France aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles », *Histoire sociale*, 15, 1982, p. 35-46.

партнерстве с представителями клана Шмелевых, попытками налаживания такого же партнерства с Вяземскими, продвижении по службе своих младших родственников. При этом Тряпицына-старшего не пугала географическая мобильность, если она служила его планам: сын и брат отправились в Екатеринбург (тем более, что этому способствовала ситуация: формирующиеся структуры, управлявшие горной отраслью, нуждались в кадрах и черпали их отовсюду: из Тобольска, Тюмени, Кунгура, Соликамска и, конечно, Хлынова). Сам Иван, оставшись жить в родном городе, тем не менее много разъезжал по «рудокопным» делам далеко за пределы Вятки. Он умел пользоваться возможностями, которые предоставляла сама эпоха петровских перемен с её административными трансформациями и возникновением новых государственных приоритетов. Приобретение звания коллежского комиссара; понимание преимуществ, которые открывались нормами Берг-привилегии; правильное, в принципе, использование связанной с этим свободы как карьерного ресурса; рискованное, но сулящее новый уровень влияния и богатства, вложение денег в новое дело – металлургию, предвещали устойчивый социальный рост. Любопытно, что Тряпицын в своей жизненной стратегии был нацелен, скорее, на укрепление собственного экономического могущества, нежели на служебную карьеру, довольствуясь уровнем XIV класса, которому соответствовал ранг коллежского комиссара (как, впрочем, и земского комиссара, в роли которого подвизался его брат). При таких обстоятельствах становится понятно, что Табель о рангах и процесс аноблирования через службу были не единственным каналом восходящей социальной мобильности, а стремление царя-реформатора подчинить все социальные группы служению государству, парадоксальным образом открывало альтернативные пути к достижению успеха, в частности – через новые формы экономической активности.

Иными словами, в карьере Ивана Тряпицына, казалось бы, ничто не предвещало беды. Но с какого-то времени что-то пошло не так. Во-первых, несмотря на явные старания, Тряпицыну не удалось создать широкую сеть родственных связей. Это бросается в глаза при сплошном просмотре материалов переписей 1710-х – 1720-х гг. По сравнению с наиболее влиятельными кланами хлыновских обывателей, тряпицынский род выглядит крайне малочисленным. Наличие единственного сына, дочери, которая, вероятно, не дожила до брачного возраста, брата, о детях которого ничего не известно, было явно недостаточным для использования потенциала матримониальных альянсов. Во-вторых, потеряв патрона в лице кн. М.П. Гагарина, наш подьячий не смог обзавестись новым. Создается впечатление, что он прилагал к этому старание: малопонятное появление Дмитрия Тряпицына в числе претендентов на поездку в Швецию и чуть было не состоявшееся появление Тряпицына-старшего в команде В.Н. Татищева, вроде бы свидетельствуют о движении в этом направлении. Как знать, не попади капитан-поручик под следствие, повлекшее передачу горнозаводского управления края в руки бессребреника Геннина, Иван Васильевич сумел бы найти подход

к будущему историографу гагаринскими методами и, возможно, с пользой для себя и семьи укорениться в штатах Сибирского обер-бергамта. В-третьих, сделав, все-таки ставку на перемену рода деятельности, бывший комиссар камерирского правления, похоже, рассорился с прежним руководством и подорвал свое административное положение. Наконец, понадеявшись на быстрое обогащение за счет предпринимательства на поприще металлургии (к чему располагали примеры его современников: Лугининых, Мосоловых, Демидовых, Осокиных, компаньонов и тезок Твердышева и Мясникова, таких же посадских, купцов, даже крестьян, поднявшихся на откупках и торговле), Тряпицын переоценил свои финансовые возможности и недооценил сложности горнозаводского производства.

Полагаю, что персонажей вроде Ивана Тряпицына и ему подобных, несмотря на их предпринимательские занятия, вполне корректно отнести к представителям бюрократии, если понимать под последней не абстрактную дефиницию, а живое социальное явление, имеющее свою эволюционную динамику и национально-страновую специфику. Сказанное нисколько не отменяет, но лишь укрепляет «формулу успеха», выведенную А.В. Жуковской и Е.В. Акельевым для людей такого рода. Она заключалась в системной связи административной службы, торгово-предпринимательской деятельности и общественном влиянии на локальном уровне⁸². Не сбрасывая со счетов личных качеств индивида, что необходимо для успеха в любом деле, замечу, что в этой формуле, как в парфюмерном аромате – ни убавить, ни прибавить. Изъятие или недостаток одного из элементов (в приведенной истории – бюрократического статуса) грозил разрушением целого, в данном случае – карьеры, что можно видеть на примере Ивана Васильева сына Тряпицына, вятского подьячего, комиссара и компанейщика.

*Institute of History and Archeology
Ural Branch of Russian Academy of Science,
Ural Federal University, Ekaterinburg*

volot@mail.ru

82. Anna Joukovskaia, Evgenii Akelev, указ. соч., п. 502.